

К. В. Галимзянова,
преподаватель кафедры «Реставрация и реконструкция
архитектурного наследия», аспирантка Кыргызского
государственного университета строительства, транспорта
и архитектуры им. Н. Исанова.

Среда, формирующая человека, и человек, формирующий среду: консенсус или противостояние?

*Среда порождает «Место», а оно есть не что иное,
как «сосуд, в котором хранится дух сообщества».*

Л. Гумилев.

Введение

Человек в современном городе находится под воздействием постоянно изменяющейся среды. Потребность в крупных офисных зданиях и жилье приводит к уплотнению городской застройки. Новое архитектурное окружение несет в себе новое организующее начало, влияющее на поведение людей, формирование их мироощущения. А, между тем, облик города, удобство жизни в нем, чувство комфорта, защищенности и неповторимую ауру создают не сооружения сами по себе, а, в первую очередь, то, как и где они расположены и что их окружает.

Но прежде чем говорить о взаимодействии среды и индивида, следует рассмотреть ключевые понятия, которыми мы в дальнейшем будем оперировать. Так, говоря об архитектурном пространстве, вспомним определение А. В. Иконникова: «Архитектурное пространство – это преобразованная часть окружающего пространства, гармонично сформированная материальными элементами, которая вмещает человека и обеспечивает условия для организации его жизнедеятельности, образуя при этом основу художественного языка и эстетической ценности архитектуры» (5, с. 48). Т.е. архитектурное пространство – это обособленная часть общего пространства, необходимая для жизни, работы и пребывания человека (функциональная составляющая), а также представляющая эстетическую ценность, воспринимаемую человеком (эмоциональная и художественно-образная составляющие).

Архитектурная среда определяется пространством, которое оформляет взаимодействие между индивидом и его окружением. Принципиальным же отличием архитектурного пространства от архитектурной среды является то, что *пространство* отражает связь от архитектуры к человеку, в то время как *среда* отражает связь от человека к архитектуре. Тем самым, говоря об архитектурной среде, мы говорим о поведении людей, которые осуществляют определенную деятельность в пространстве.

Ключевой же здесь является сама архитектура, которая напрямую влияет на трудноуловимую, но отчетливо воспринимаемую «душу места», складывающуюся из такого множества малых компонентов, что охватить ее в конкретных понятиях, терминах,

количественных показателях не удастся. Место не в состоянии говорить словами, но зато мы можем вслушиваться в то, что оно просит, опознавать его. Место может быть сонным и спокойным, пахнуть сосновой хвоей, обладать дружелюбием. Уже на эту смесь чувственных впечатлений накладываются исторические ассоциации: под этими часами всегда встречались влюбленные, здесь когда-то была большая верфь... В целом мы начинаем постигать, что в этом месте есть что-то особенное, специфическим образом развивающееся и меняющееся, но устойчивое перед потоком некрупных перемен. Это свойство можно назвать душой места. **У каждого места должна быть своя душа, у каждого она и есть, если только она не была разрушена грубым и безответственным вторжением.**

Пространство существует, чтобы жить в нем. Объекты являются застывшими идеями. Одни обладают жизнотворной силой, другие, особенно если достаточно велики, угрожают, господствуют, крадут солнечный свет своей огромной тенью. Реальная проблема заключается в том, что наше отношение ко всем этим вещам притупилось. Мы научились не замечать шумы и скверное качество воздуха, резкие несоответствия между грубо очерченными формами. Мы обрели некий «иммунитет к негативным силам в собственном окружении, и именно потому оно оказывается для нас столь разрушительным. У горожан более резкий говор, чем у деревенских обитателей. Подобно речи, социальная чувствительность в городе закалена уродством окружения» (3, с. 37).

В мире, где время – деньги, давно определено: чем меньше заботы вложено в здание, будь то проектирование, строительство или использование, тем оно дешевле. Но поскольку люди не любят здания, которые выглядят дешево, в дело идут различные «обманки», начиная от кирпичной облицовки и заканчивая дверьми на картонном каркасе, от мебели из древесно-стружечной плиты и до витража главного фасада при «экономном» заднем фасаде.

В этом контексте серьезное беспокойство вызывает наметившаяся в современной городской архитектуре тенденция пристраивать к домам, возведенным в 1930–1960-е годы, современные витрины, оформлять в духе «современных» архитектурных стилей входы в частные магазины, кафе и рестораны, расположенные на первых этажах зданий. При этом мало кого заботит нарушение стилистического единства самого здания и его окружения.

В архитектурной критике долгое время было принято считать сооружения 1930–1950-х годов «продуктами архитектурных заблуждений», и современные архитекторы по привычке продолжают недооценивать всю значимость построек того периода, стремясь переделать эти здания или закрыть их новыми фасадами и окнами. Честно признаем, что практически все эти попытки, вызванные экономическими, политическими и социальными причинами, ведут к полному фиаско. Мы быстрыми темпами бездумно строим мир, где обманчивые покровы становятся ширмой для откровенности, в которой забота бесцеремонно вытесняется прибыльностью.

Владельцы магазинов и офисов, являющиеся основными заказчиками, не заботятся о целостности облика здания и, тем более, о его исторической значимости, каждый оформляет свой небольшой кусок фасада по собственному усмотрению и финансовым возможностям. В результате мы имеем полное проявление китча (нем. Kitsch, букв. – халтура, дурной вкус; в данном контексте китч выступает как подмена реальности иллюзиями, это как бы дешевый фантом прекрасного) – множество

разновеликих и разноформенных частей, абсолютно не связанных между собой, более того, каждая из них стремится своей яркостью, гипертрофированностью форм заглушить другие и привлечь все внимание на себя; и над всем этим неопи- сываемым архитектурным «балаганом» стыдливо возвышается обветшалый фасад. Достаточно вспомнить, как сейчас выглядит жилой дом на пересечении проспекта Чу и улицы Советской, на первом этаже которого расположен ювелирный магазин «Рубин», а вместе с ним ряд обменных пунктов, интернет-клубов и полиграфических центров, все они имеют свой отдельный «парадно оформленный» вход и, конечно же, яркую вывеску. В результате здание утратило свою изначальную стройность и ясность объемов. Надстроенный раздутый первый этаж разрушил все пропорции сооружения, став подобием неуклюжего бесформенного пьедестала для верхних этажей скромного фасада, которые, тем не менее, не могут спорить с яркостью и насыщенностью основания.

Другим примером может стать дом на пересечении бульвара Эркиндик и улицы Токтогула, построенный по проекту архитектора В. Змиевского в 1933 году. Лаконичное, простое в объемах здание построено по красной линии улицы. Чтобы не допустить излишней протяженности фасада по горизонтали, архитектор сместил акценты, в результате роль главного фасада отошла торцевой стене, которая членится рядами лоджий на три вертикальных объема, призванных усилить визуальную направленность здания ввысь. Но теперь нижний этаж этого дома выкупили и перестроили, а вернее, достроили под кафе и магазины. Значительная часть этих пристроек выступила на тротуар, что доставляет немалые неудобства пешеходам. Мы уже не говорим об утраченном членении фасадов, потерявшемся за витринными окнами и вывесками предприятий новоиспеченного общепита. Пропорциональность дома утрачена, как и то впечатление, которое он производил на горожан.

Еще один пример: здание торгового центра «Vefa», построенное на пересечении улиц М. Горького и Советской. Само по себе данное сооружение – вполне типичный пример современной бишкекской архитектуры: ясные прямоугольные симметрично расположенные объемы, на первый взгляд, хорошо вписались в заданный участок. Но так это здание выглядит только на первый взгляд. Стоит отойти немного от парадного входа и завернуть за угол, как мы увидим девятиэтажный жилой дом, окна которого упираются в задний фасад торгового центра, наглухо перекрывающего естественное солнечное освещение. А круглосуточно работающие кондиционеры, резонируя о стены бетонных высоток, производят нестерпимый шум. Не говоря уже о том, что все коммуникации здания торгового центра подсоединены к системе окружающих домов, запроектированной еще в 1970-е годы и не рассчитанной на еще одно сооружение таких грандиозных масштабов. В результате, когда наполняются водные резервуары торгового центра, в окружающих домах падает напряжение электрического тока, что, в свою очередь, выводит из строя бытовую технику жителей. Налицо полное нарушение прав жителей микрорайона «Юг-2». Но, в силу недоработанного законодательства, они не могут рассчитывать даже на моральную компенсацию.

Не лучше дело обстоит и с зелеными насаждениями города. Так, все мы были свидетелями скандального строительства жилых коттеджей в парке «Ата-Тюрк», которое широко освещалось в СМИ. Было вынесено постановление правительства о сносе

незаконных сооружений, говорилось о мерах, предпринятых городской администрацией для прекращения строительных работ. Но слова не повлекли за собой каких-либо решительных действий. Ни один дом не снесли и, более того, там продолжают строить новые.

В еще худшем положении оказался парк им. К. Жакыпова, раньше располагавшийся вокруг Дворца пионеров. В конце 1990-х годов он был вырублен до последнего дерева, а территория отдана спортивному клубу «Дордой Динамо», который ведет на данной территории бесконтрольное строительство спортивных объектов. А ведь это место входит в охранную зону, в которой вообще запрещено любое строительство без согласования с государственной инспекцией по охране памятников истории и культуры (4). Между тем, отличное спортивное сооружение – стадион «Инструментальщик», расположенный рядом с заводом имени В. И. Ленина, был так же полностью уничтожен, и на его месте уже более десяти лет строят не то гостиницу, не то очередной торговый центр, который по завершению вряд ли будет иметь высокую эстетическую или историческую значимость. Все это свидетельствует о крайне нецелесообразном, даже бездарном использовании городских ресурсов.

Такова и недавно прорубленная дорога в парке им. Ю. Фучика, которая совершенно не решила проблему пробок в районе Ошского рынка (то, для чего она создавалась), но безвозвратно уничтожила прогулочную зону парка. Здесь нет тротуаров для пешеходов, не говоря уже о светофорах, и, если человеку необходимо пересечь указанный участок, то он должен или идти по зеленым насаждениям, или на свой страх и риск передвигаться по обочине дороги.

Строительство высоток в охранных зонах города стало сегодня вполне обыденной нормой. Вспомним недавно снесенное здание на углу бульвара Эркиндик и улицы Токтогула. Теперь на месте уникального исторического здания возводится очередная уродливая высотка с элитными квартирами, полностью искажающая исторический и архитектурный силуэт бульвара, нарушая его панораму и смещая акценты высотных доминант.

Все мы это постоянно видим, но начинаем задумываться над этими процессами, только когда они затрагивают нас лично: открывающийся за окном пейзаж наглухо перекрыт стеной нового дома, возводимого на детской площадке; громкий шум и музыка, посреди ночи доносящиеся из детского сада, перестроенного под ночной клуб; спиленные под окнами деревья, мешавшие сооружению парковки у магазина... и этот перечень можно продолжать до бесконечности! Между тем, все это постепенно ведет к стиранию архитектурного облика столицы, формирующего историческую неповторимость центра нашего города, а вместе с тем и к исчезновению особой атмосферы, чувства плавного, безмятежного течения времени, которым раньше были пронизаны улицы центра Бишкека. «Жалко, что забывается простая истина: чистота окружающего пространства должна быть не только физическая, но и эстетическая» (2, с. 39).

Современная городская среда Бишкека складывалась на протяжении многих десятилетий под непосредственным влиянием разновеликих взаимодействующих факторов. При этом архитектура всегда занимала ведущие позиции в формировании образа столичного города. Она играла ключевую роль в создании ансамблей, из ко-

торых впоследствии складывался облик города и особая городская среда. При четком соподчинении и продуманности каждая планировочная единица, каждая зона обладала определенной композиционной самостоятельностью и своеобразием. Наличие своей четкой границы, своей ведущей доминанты или группы доминант, ландшафтное своеобразие местности и особая система планировки – все это создавало композиционную автономию частей и в то же время – единое целое.

История

На протяжении своей относительно недолгой истории город пережил несколько периодов, за которые его облик кардинально менялся. Историю своего официального развития Бишкек начинает с 31 августа 1878 года (9, л. 3), когда военным губернатором Семиреченской области генерал-лейтенантом Г. А. Колпаковским был утвержден план проектного расположения вновь предполагаемого города Пишпека – города с застройкой европейского типа. Говоря «вновь предполагаемого города», мы несколько не оговариваемся. Доподлинно известно, что в средние века местность, где теперь раскинулся наш город, называлась Джуль, а затем она становится известной как Пишпек. Как пишет местный краевед В. Петров, оба эти названия возникли и существовали практически одновременно. Одно – в переводе с ирано-согдийского, а второе – с древнетюркского означает «местность перед горами» (6). Позднее название Пишпек перешло и к Кокандской крепости (1825 г.), и к уездному городу на окраине Российской империи (1878 г.). До наших дней от средневековых поселений практически ничего не сохранилось. Цитадели этих городов превратились в оплывшие глиняные холмы с фрагментами строений, обломками керамики и другими следами исчезнувшего прошлого.

В XIX веке на древней трассе Великого Шелкового пути строятся военные пикеты, основывают дома переселенцы из России и беженцы из Китая. Зарождаются поселки Аламедин и Лебединовка. Несмотря на трехкратное разрушение Кокандской крепости Пишпек, жизнь в ее окрестностях не замирала. Оставались и продолжали жить торговцы и ремесленники, ведь именно они еще со времен средневековых городов составляли большую часть сообщества горожан.

Основная композиция плана нового города образовывалась перпендикулярно пересекающимися улицами, примыкавшими и сопрягавшимися с уже существовавшей застройкой вдоль Ташкентского и Верненского трактов. Поэтому улицы этой части города «косые», и на них кое-где еще до конца 1980-х годов сохранились дома старше 120 лет, т.е. построенные ранее официального дня рождения города.

Как и средневековые сооружения, практически все постройки дореволюционного периода не сохранились, за исключением небольшого числа отдельных зданий. Сейчас в основном мы можем судить о характере планировки и архитектуре города по отдельным выцветшим фотографиям и скудным описаниям очевидцев: «В сущности, это был не город, а большой базар, обросший со всех сторон белыми, серыми и голубыми мазанками, из окон которых жители выплескивали помой прямо на улицы. Сидел посреди базарной грязи на табурете горожанин, и над ним суетился брадобрей. Протяжно стонали верблюды, блеяли связанные попарно

овцы, кричали на разноплеменных языках торгоши, толпилась у крыльца уездного правления длинная очередь просителей – многонациональные одежды их уравнила бедность, наделив одинаковыми дырами и заплатами, и над мазанками, над дунганскими чайханами, над постоянными дворами шумела пыльная зелень пирамидальных тополей» (1, с. 20).

В конце XIX века по внешнему облику, характеру застройки, степени общественного благоустройства (вернее, неблагоустройства), состоянию коммунального хозяйства (точнее, в силу его полного отсутствия) Пишпек фактически представлял собой большую «деревню, которой приказано было называться городом» (5).

Тем не менее, тезис о том, что дореволюционный Пишпек представляли украинские мазанки с камышовыми крышами и глухими дувалами, не вполне верен. Были в городе и вполне добротные дома, некоторые из которых сохранились и по сей день. Они, как правило, стоят на фундаментах из тесаного камня или валунника, выше – кирпичный цоколь полуподвала или первого этажа с узорчатым декором кладки. Жилые помещения каркасно-деревянные или срубовые с большим количеством комнат. Кровли богатых строений были покрыты железом, но чаще это были камышовые или тесовые крыши. Фасады штукатурились и отделялись резными карнизами, наличниками или ставнями на окнах. Вход в дом украшался парадными крылечками с ажурными металлическими узорами. Сейчас ни на одном из старых пишпекских домов не сохранилось целиком всего комплекта этих архитектурных деталей.

Ситуация кардинально изменилась с приходом советской власти. Градостроительное развитие и характер застройки Фрунзе 1920–1930-х годов тесно связаны с теми значительными политическими изменениями, социальными преобразованиями и экономическими достижениями, которые произошли в республике после 1917 года.

Начавшийся новый период в истории страны и города характеризуется установлением единой централизованной власти, и все строительство в городе осуществляется по указанию этой власти в едином стилистическом ключе. Здесь мы уже можем говорить об упорядоченности городского пространства и о единых стилиобразующих факторах. К тому же, можно сказать, именно в это время начинает активно развиваться этажная архитектура.

Переломным в этой истории становится 1926 год. В это время по проекту А. П. Зенкова в Пишпеке строится несколько зданий – это здание Совета народных комиссаров Киргизской ССР (ныне там находится Ассамблея народов Кыргызстана), хирургический центр Республиканской больницы и банк на проспекте Эркиндик. Каждое здание А. П. Зенкова «узнается по резным оконным рамам, по ажурному железу, по дверям, по крыше, по крыльцу, а главное – по свободному сочетанию всего этого» (6). Этот архитектурный стиль не стал стилем города, но данные постройки до сих пор придают необычайный шарм тем городским зонам, в которых они расположены.

Затем последовало строительство других общественных, промышленных и жилых сооружений, возведенных в сталинскую эпоху. Эти здания должны были выражать величие и могущество великой страны даже в масштабах небольшого города. Отличительной чертой всех этих построек были господствовавший принцип ясной объемно-пространственной композиции в архитектуре общественных зданий, который выразился на практике в том, что при угловом градостроительном расположении

объектов их план принимал, как правило, г-образное начертание, а в рядовой застройке мог напоминать Н, П, Т, Ш, Ж, т.е. симметричные и открытые по начертанию фигуры, которые начали разрабатывать еще в классицистических постройках 19 века; так же, как и в планах, ярко выражена симметрия фасадов, их иерархическая осевая структура, с четко акцентированной главной частью; использование пропорций, тяготеющих к «золотому сечению», крупномасштабность; обилие на фасадах лепных украшений, создающих активный силуэт.

Именно в период 1930–1950-х годов впервые пространство города начинает разрабатываться, а затем и застраиваться по принципу ансамблевости. Здания уже не мыслятся вне времени и вне пространства, они активно взаимодействуют друг с другом. Именно в 1930-е годы разрабатывается подробный генплан уже не просто небольшого уездного города царской империи, а генплан столицы Киргизской ССР (10, с. 97). Это был первый генеральный план тогда уже Фрунзе, созданный в советское время. Значение его для развития города трудно переоценить. Идеи, заложенные в нем, нашли отражение в дальнейшем строительстве и повлияли на составление последующих генеральных планов города. В генплане четко учитывался и рационально использовался такой важный географический фактор, как топографическая особенность местности, которую занимал город, что во многом предопределило судьбу его дальнейшего развития. Так, на протяжении долго периода планировка улиц сохраняла параллельно-перпендикулярное направление, четко ориентированное по сторонам света, что учитывало розу ветров, которые в данном месте дуют с юга на север и с запада на восток и должны продувать улицы, вынося смог и избавляя горожан от азиатской духоты (5). Также такая планировка способствовала созданию ирригационной системы, которая долгое время обеспечивала жизнь всем зеленым насаждениям города, принося живительную влагу и прохладу, но она за годы независимости, следует признать, пришла в полное запустение и окончательно разрушилась.

Проблема сохранения застройки исторической части города давно стала хронической. Между тем, лишь немногие города могут похвастаться выразительным силуэтом не отдельных домов, а целых архитектурных комплексов. Взять, к примеру, наши ансамбли Советской и Университетской площадей, территории вокруг театра оперы и балета им. А. Малдыбаева, комплекс зданий корпусов Аграрной академии им. Скрябина, ансамбль зданий Республиканской клинической больницы и многие другие архитектурные комплексы. Именно они составляют сегодня первое впечатление о красоте столицы, ведь это целый градостроительный комплекс, созданный в предвоенный и послевоенный периоды и имеющий гораздо большую ценность, чем какое-нибудь отдельное здание тех лет.

Иногда сталинскую архитектуру называют первым проявлением постмодернизма, но это неверно, в силу того что постмодернизм – это исключительное и эксклюзивное искусство, которое развивалось по собственным законам. Также и «сталинская архитектура» столь же принципиально эксклюзивна. «Отношение этой архитектуры к основополагающим категориям: земле, небу, воздуху – позволяет сделать вывод, что она – утопия в самом прямом смысле этого слова» (8, с. 63). После такого давящего направления, как социальная утопия, в архитектуре жилых домов постепенно остается лишь функциональная сторона.

В 1955 году вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» (11, л. 2), в котором были определены важнейшие задачи, указывавшие на необходимость типизации зданий и сооружений с применением унифицированных элементов, разработки конструкций из сборного железобетона, внедрения новых строительных материалов.

В последующем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР того же 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (11, л. 5) были вскрыты причины, породившие «недостатки» в области архитектуры, и намечены пути по искоренению формализма в работе советских архитекторов. Вместе с тем, в постановлении поддерживалось понимание архитектуры как целостного явления, характеризуемого единством функционального, экономического, конструктивно-технического и художественного компонентов.

Как показала дальнейшая практика, предпринятые коммунистической партией и советским правительством шаги по «оздоровлению» процессов строительства и архитектурного творчества вызвали серьезную перестройку в области архитектуры. Здания и сооружения стали возводиться по иным принципам, отвечавшим потребностям и финансовым возможностям экономики страны. Уникальность уступила место типизации и унификации...

Этот период так называемого стандартного строительства активно сказался на архитектуре нашего города 70–80-х годов XX века. Именно тогда строятся по всему Союзу одинаковые, так «намозолившие глаз хрущевские коробки». Но в то же время именно в этот период люди получили долгожданное дешевое муниципальное жилье, ощутив себя полновластными хозяевами хоть и 24, зато своих квадратных метров. Тогда ощущение счастья настолько переполняло горожан, что никто не обращал внимания на тесноту комнат, малые габариты квартир. Эта ситуация продолжалась вплоть до 90-х годов XX века.

Современность

С развалом великого государства многие сферы экономики оказались в упадке, начался хаос и в архитектуре. Приватизация не только жилых, но и общественных зданий развязала руки свежеспеченным частным собственникам, которые теперь могли без оглядки на городские власти перестраивать сооружения по своему вкусу и усмотрению. К сожалению, часто это делалось в ущерб окружающей застройке и перспективе. К чему привела такая непоследовательность, было подробно описано выше.

Не обращать внимания на поток прошедшего времени, значит вступить в ряды вандалов; слишком сильно на нем сосредоточиться – заниматься лишенным смысла сверхохранительством или бессмысленным возрожденчеством.

Старые постройки – это не музейные экспонаты определенной эпохи. Но в них есть физическое присутствие разных времен, вплоть до нынешнего. Они несут на себе видимый и невидимый отпечаток множества обитателей, сменявших друг друга стилей жизни и систем ценностей. Когда эта гармоничная последовательность и новое строится, не опираясь на прошлое, а безжалостно растаптывает и вырывает его с корнем, то здания перестают нести в себе очарование и притягивать взор.

Сказанное о постройках вполне справедливо и для ландшафтов, ведь все, что мы строим, включается в существующий природный и городской ландшафт, сформированный долгим историческим процессом. ***В городе без прошлого социальные противоречия обычно острее, и нужно несколько поколений, чтобы их как-то стабилизировать*** (3, с. 37). Как наглядный пример здесь можно привести ситуацию с незаконным самозахватом земель вокруг города людьми, приехавшими из регионов в надежде найти в столице стабильный заработок для себя и своей семьи. Первая такая волна переселенцев нахлынула в начале 1990-х годов. Уже тогда эта ситуация обнажила ряд серьезных социальных, экономических и политических проблем, главной из которых была неспособность города принять такой большой поток людей и обеспечить их муниципальным жильем. Также абсолютно не была разработана законодательная база, регулирующая порядок выдачи земель под индивидуальное строительство в черте города. Значительную роль в этом процессе сыграла и коррумпированность чиновников, выдававших землю в местах, изначально предназначенных для других целей, и «под шумок» обеспечивших земельными участками в городе себя и своих родственников. В результате большая часть пахотных земель, принадлежавших городу и призванная кормить этот город, а также земли в парковых зонах оказалась в частной собственности. Некоторая часть этих участков превратилась в VIP-городки, прозванные в народе «депутатскими деревнями» и «Царским селом». Но большая часть новостроек на этих землях обратилась в трущобы, лишенные электроснабжения, водопровода, канализации, дорог, школ, больниц и элементарных условий санитарии. В 1990-е мы вернулись к тому, от чего пытались уйти на протяжении всего советского периода: кое-как слепленные камышовые и саманные мазанки с земляным полом, состоящие из одного, максимум двух помещений, в которых живут семьями до 15 человек.

В последующие годы вынужденное частичное благоустройство этих новостроек «село» львиную долю бюджета города. Много сил и ресурсов было потрачено на обеспечение этих районов самыми необходимыми коммунальными услугами. Было проведено электричество, проложены и заасфальтированы главные дороги, проложены водопроводные трубы. Но ни о каком облагораживании не было и речи. Позднее, уже в 2000-е годы в них стали строиться и открываться школы и детские площадки. Но самое главное то, что выводы о данной ситуации городские власти не сделали, как и не были выработаны возможные пути разрешения в будущем подобных ситуаций. Результаты подобной безалаберности не заставили себя ждать. В 2000-х и в 2005 году город пережил еще ряд таких массовых нашествий, и во всех случаях город оказался совершенно незащищен перед таким напором. И вновь земля была выдана, и на этом все решения закончились. Никаких четко выработанных программ, законов. Бишкек оказался окружен новым кольцом кварталов убогих трущоб, уродующих его облик, и на исправление сложившейся ситуации уйдет не одно десятилетие. А главное, столица осталась совершенно незастрахованной от повторения в будущем подобных ситуаций.

Другим аспектом всего вышеописанного стало быстрое и полное стирание предшествующей городской культуры. Из-за большого оттока горожан, эмигрировавших в страны СНГ, и колоссального притока людей (в подавляющем большинстве из сельской местности), для которых Бишкек не был родным местом, которое формировалось ими

и формировало этих людей, их интеграция в городское пространство и городскую жизнь проходила и проходит с большим напряжением. Эти люди несли в себе культуру тех мест, где они родились и выросли. Они жили по своим правилам и со своими устоявшимися взглядами на жизнь и окружающую действительность. И будучи не в состоянии перестроить этих людей, город был вынужден приспосабливаться под них. Они стали насаждать свою манеру поведения на улицах, в общественных местах. Чтобы выжить в этом пространстве, чужом для них пространстве, они стали переделывать его под себя, что само по себе не хорошо и не плохо – «все течет, все изменяется». Но любое резкое насильственное изменение несет в себе больше отрицательных, нежели положительных черт. Развитие по пути эволюции обеспечивает последовательную смену эпох, стилей жизни, что ведет к поступательному движению вперед.

Прошлое и будущее нуждаются друг в друге: прошлое сообщает, а будущее вдохновляет. В точке их соприкосновения должно находиться настоящее, образованное прошлым и вдохновленное будущим. Но чтобы обладать гармоничностью, новое должно быть органичным развитием того, что уже тут есть, а не пришлым, чужим.

Любая же революция, из каких бы высоких соображений она не проистекала, в первую очередь приводит к откату назад в сферах экономики и культуры. Это мы все прекрасно видели не только на примерах мировой истории, но и на примере истории нашего независимого государства.

В отличие от архитектора, почти никто не думает об архитектуре, но все ее чувствуют. Не глядя в окружение специально, мы впитываем его всеми чувствами. Есть места, где внешний мир угнетает и опустошает нас чрезвычайно. И таких мест с каждым днем, к сожалению, становится все больше.

Архитектура воздействует на человека постоянно и большей частью подсознательно. Справедливо писал Виктор Пелевин: «То, что видишь каждый день много лет, постепенно превращается в памятник тебе самому... видеть – на самом деле значит накладывать свою душу на стандартный отпечаток на сетчатке стандартного человеческого глаза» (7, с. 43).

Если на душу человека «накладывается» опустошенное городское пространство, лишенное логики и естественности, то и «памятник себе самому» превращается в треснувшую скорлупу, из которой готово вырваться чудовище.

Аристотель когда-то писал: «...город должен предоставлять людям безопасность и одновременно делать их счастливыми...». К сожалению, это правило нарушалось во все времена, а в последние годы о нем, видимо, вообще забыли и предпочитают не вспоминать. Идея человечности, переведенная на язык архитектуры – это забота о человеке – давно не работает. В итоге человек стал жертвой своего бездумного творчества, окружив себя агрессивной визуальной средой. **Три принципа архитектуры, сформулированные Витрувием: польза, прочность, красота – утратили свое былое непоколебимое значение. Доминирующим принципом современной архитектуры стала выгода.** Между тем, объекты архитектуры, прежде всего, должны радовать глаза и душу. Они должны положительно воздействовать в эмоциональном и нравственном отношении на человека, который находится под их влиянием всю жизнь, с момента рождения до последнего вдоха.

Город является живым организмом и, как любой другой организм, он постоянно обновляется и стремится к развитию. Принцип формирования города с позиций

комфортной эстетической визуальной среды мог бы стать той «идеей города», которая объединила бы всех его жителей. Движение к художественному требует, чтобы мы культивировали в себе чувство красоты. Наше окружение потенциально представляет собой наиболее могучую форму искусства из всех, воздействующих на нас.

Литература

1. *Виткович В.* Киргизия. – М., 1938.
2. *Воронина А. А.* Материал архитектуры – не камень, а пространство // АКИpress. – 2006. – № 5. – С. 39–40.
3. *Глазычев В. Л.* Средовой подход в действии // Архитектура. – 1984. – № 16. – С. 36–42.
4. Закон Кыргызской Республики «Об охране и использовании памятников истории и культуры». – Бишкек, 2002.
5. *Иконников А. В.* Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – М.: КомКнига, 2006.
6. *Исмагулина З., Иманкулов Д.* Город, не исчезай! // Вечерний Бишкек. – 2000. – 1 ноября.
7. *Пелевин В.* Антология детства. – М., 1997.
8. *Петров В.* Пишпек исчезающий // Утро Бишкека. – 1998. – 14 июля.
9. *Хмельницкий Д.* Три версии советской архитектурной истории // Двадцать два. – 2000. – № 116. – С. 60–67.
10. ЦГА КР. Ф. 52. Оп. 1. Д. 5.
11. ЦГА КР. Ф. 284. Оп. 1. Д. 60.
12. ЦГА КР. Ф. 1673. Оп. 2а. Д. 172.